

18+

ЧАСЫ

Сборник малой прозы

АЛИСА ИСТОМИНА

Алиса Истомина

Часы. Сборник малой прозы

«Издательские решения»

Истомина А.

Часы. Сборник малой прозы / А. Истомина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-604508-8

«Часы» — проза «классической» Истоминой, которую мы знаем по «Дозе». Как всегда — жестока и сурова. Честна с собой и людьми. «Часы» — сборник о человечности и любви, о выборе. Это «Чак Паланик», только с содранной кожей. Читателю предстоит продираться к нежности через оголтело проклинающий мир мат. 5-я книга замечательного современного автора. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-604508-8

© Истомина А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Короли прошлого	9
Память	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Часы

Сборник малой прозы

Алиса Истомина

© Алиса Истомина, 2025

ISBN 978-5-0060-4508-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер! «Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещенных веществ и алкоголя. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Наркотики и алкоголь – это плохо!»

*Есть в жизни все.
Мы все стремимся
К чему-то светлому, к добру,
Но почему же нам не спится,
Когда прохладно поутру...
(Е. П.)*

От автора

В последнее время по роду своей деятельности мне счастливится читать множество книг, и почти каждая содержит предисловие автора, поэтому и я решила его написать.

Во-первых, хочу выразить величайшую благодарность своим друзьям, которые первыми скупают мои свежие творения и не скупаются на комментарии. Каждый пишет о своих чувствах, переживаниях, слезах. Эти люди анализируют мой язык, изменения в стилистике. Некоторым из них приходится несладко, например, если они узнали героя, списанного с них. Но ни один человек за время моей литературной деятельности не перестал со мной общаться, не выразил обид или чего-либо подобного. Если герой получался слишком похожим так, что его узнавали и другие, то мы просто договаривались не обсуждать это. Хотя я допускаю, что кто-то переставал мне доверять исключительно, ведь каждое сказанное слово рискует попасть на страницы моих книг. Мои друзья невероятно интересные личности! Каждый что-нибудь да отмочит! Есть в моем окружении люди, которые просто путешествуют по моим произведениям, как по галактикам. Так что спасибо.

Я глубоко убеждена, что с некоторых людей невозможно списать героя для романа, они слишком скучны, а некоторые люди кочуют из романа в роман, принимая каждый раз все новые облики. А есть и те, кто оказывается в моих произведениях, но об этом даже не знает и вряд ли их прочтет когда-либо.

Во-вторых, хочу рассказать про этот сборник. Я уже издавала малую прозу, что для меня особая радость, ведь я по своей сути не романист. После «Трех комнат» я поняла, что мне удалось познать малую прозу. Мои рассказы и эссе в большей мере позволяют насладиться языком, сюжетами и той необычной стилистикой, которую я принялась реализовывать в литературе.

Сейчас я занимаюсь с учеником, преподаю ему журналистику и учу писать. Я искренне верю, что могу научить писать любого. И у меня уже были успешные «проекты», когда человек, совершенно далекий от русского языка и прозы, создавал собственные (хоть и короткие) произведения. Так вот недавно на занятии мы обсуждали примеры удачных и плохих текстов, и я зачитывала ему выдержки из романа моего любимого автора Рю Мураками «Война начинается за морем». Потом я рассказала ему о том, что в 2003 или 2004 году прочла роман «Все оттенки голубого». Он безумно меня впечатлил! Я сразу поняла, что хочу писать подобные вещи. На тот момент я уже написала два романа, но первый постигла мусорная участь, а второй потеряла одноклассница, которая взяла его почитать (а жаль – он был очень прикольным). Тогда я еще совсем не создавала малой прозы, меня интересовали романы. Но я не обладала пониманием, о чем хочу писать. Что мне интересно? Каков мой собственный стиль? И тут мне в руки попал Рю Мураками. Я удивилась, что ТАК можно писать. Что нет запретных тем (хотя к тому моменту я уже читала Эдуарда Тополя). Просто «Все оттенки голубого» был всеобъемлющим. Это была не просто история, она оказалась многогранной, детализированной, поднимающей серьезные вопросы, да и не без юмора.

Свой четвертый роман – «ДОЗА» (был и третий, который отправился в мусорное ведро) я написала в 18 лет. Эта книга сделала мне имя. Уж хорошее или плохое – значения не имеет. Редактор книги сказал мне перед ее выходом, что она имеет право на существование в том виде, в котором есть. Больше меня ничего не интересовало.

Я хочу раз и навсегда ответить всем, особенно любителям, ухмыляясь, говорить – «Ну ты же про себя написала, это биография», что «ДОЗА» – это абсолютный вымысел. Хоть и основанный на реальных событиях. Собранных мной старательно и тщательно как журналом, а значит – автором. Все совпадения совершенно случайны и не имеют ни малейшего основания считаться чьей-либо биографией, а уж тем более автобиографией. Это просто бред!

Его, наверное, сочинили те, кто хочет примазаться ко мне как пиявка и сказать что-то типа: «Да я же тебя знаю!» – «Ни хуя!» – Ответ Алисы Истоминой.

Одно из имен героини – Алиса. И именно потому, что я к ней расположена. Как автор. Она мне нравится. Это я как литературовед говорю. И я понимаю Михаила Юрьевича, которого задолбали с Печориным! И уверена, что всем просто так хотелось «познать» Лермонтова, что пришлось прилепить «Героя нашего времени» к его личности.

Первое, что я усвоила из «Теории прозы», если задумал роман, ищи с кого писать главного героя. Конечно, персонажи с кого-то пишутся, но это не делает их теми самыми реальными людьми. Увы, некоторым это сложно понять.

Я «ДОЗУ» не любила, хотя ее публикация долгое время была единственной целью моей жизни. Эта книга сделала так, что Алиса Истомина – это та, которая «ДОЗУ» написала. И от этого не так просто было отделаться. Мне понадобились годы, чтобы создать «Джабл Дай» в той редакции, которая понятна всем. Мне понадобилось длительное пребывание в другой стране, чтобы написать «Мускат», мое лучшее и любимое произведение.

Теперь я люблю «ДОЗУ», потому что в нее я вложила очень-очень многое! Это книга, это трейлер, съемки, конкурсы, это часть меня и длительное время написания в моей юности, когда я только училась быть журналистом. Как я могу это не любить?

Я больше не буду оправдываться за эту книгу, кивать, мол, да, она вот такая, да. Да! Она такая! «ДОЗА» про любовь! Это история любви! И потом все остальное. Как сохранить любовь, когда ты в жопе, а весь мир вокруг против тебя. Когда ты юный и бестолковый! Когда ты на что-то подсел. «ДОЗА» для того, чтобы к разного рода гадости тот, кто прочитал, не прикасался! Чтобы посмотрел, во что можно превратиться. Эта гиперболизированная реальность доведена почти до абсурда. Это может быть биографией разве что участников группы Mötley Crüe... Но главная моя мысль в этот момент – «ДОЗА» – это дань моему любимому писателю Рю Мураками. И если прочитать эти книги «вместе», то сразу становится понятно – почему.

Итак, вернемся к малой прозе. Этот сборник объединяет самые разные жанры, которые я старательно обозначила перед каждым произведением. Я включила сюда и тексты, которые написала давно, они отмечены как «бонус». Так можно сложить более полное представление о том – как я пришла к тому, что делаю сейчас. Я не избавилась от альтернативы, нет. Но она, конечно, стала другой. Просто альтернативная литература позволяет мне не ограничивать себя. Кроме того, я знаю примеры, когда первой альтернативой, которую прочли люди, была именно моя книга. Так, как когда-то для меня был роман «Все оттенки голубого».

Здесь будут и совершенно оголенные эссе. Мои истории у Белого моря. Между строк. После «Беломорки» я больше не хотела писать о себе. Категорически. Но сейчас такой этап в моей жизни, когда я еще могу оглянуться, могу услышать отголоски очередной прошлой жизни, хоть уже и иду вперед.

Мне было так больно, мне было так страшно (не побоюсь этого слова), поэтому рождалась вся эта моя литература. Грязная, вульгарная, провокационная. Именно боль мне надо было выплеснуть. Но во мне не только эти мысли. Во мне много мыслей! Красивых! Полных любви. Я даже хотела отказаться от псевдонима Алиса Истомина, ведь мне казалось, что она не может писать книги о любви... Но меня уже и нет без Истоминой, поэтому решение об изменении фамилии исчезло из моих жизненных реалий.

Девочка и Белое море – это стихийно закончившаяся история моей жизни, которой я не знала и никогда не узнаю. Какой она могла стать, какой была бы сейчас? И кем бы была я... Наверное, раз третий за всю жизнь задала себе этот вопрос, не имеющий смысла. Все так как есть и это правильно. Просто становится грустно, просто это воспоминания, когда знаешь запах северного лета, шум трав и этот песок! Песок сносит крышу! Сколько я в детстве по нему бродила и выбирала ракушки. Масса флешбэков, но все они позитивные. В Северодвинске я

всегда совершаю мощный выдох, который каждый раз очень нужен. И там – как нигде. Потому что там дом, там энергия холодного моря, свободы и суровой любви.

Дорогой читатель, я традиционно желаю тебе прекрасного чтения с верой в то, что открыла дверь в мир своего творчества и личной (во всех смыслах слова) жизни.

Отдельную благодарность я выражаю Саше Лукутину: когда мы были с ним вместе, мы были больше, чем этот мир.

Алиса Истомина, 08/2023

Короли прошлого

Новелла

*Посвящается
Денису Бойченко*

Каждый раз, открывая ноябрьской ночью окно на кухне для проветривания, я вспоминаю о тебе. Этот пронизывающий свежий воздух пробуждает во мне те ощущения поздней осени, когда дышишь и не можешь надышаться, когда задыхаешься от неразделенных чувств, когда подкашиваются ноги от одного взгляда на того, кого не иначе как вожделеешь. Я снова в этом городе, осенью, сделала впервые за долгое время выбор в пользу себя. И хочется кричать от красоты и меланхолии, от свободы, которую я, наверное, никогда уже не смогу ощутить. Свобода юности, свобода чувств в городе, в котором я больше никогда не встречу тебя. Мы были как молодые Боги, мы короли прошлого...

Ты появился тогда, когда закончилась пора дискотек, Rapsody и сигарет поштучно. Да, тогда мы уже покупали их пачками. Я училась в школе, носила лаковые ботинки на высоченной платформе и велюровые костюмы с расклепанными штанами. Я увидела тебя первый раз возле школы, ты пришел к моим совершенно непутевым одноклассникам, которых перевели к нам из расформированного класса коррекции. Руслан и Гулам были братьями, вот с ними ты и стоял. На тебе были зеленые штаны с белыми лампасами и дутая куртка, которая, казалось, была тебе совершенно велика. Но все, что меня интересовало тогда – твои голубые глаза. Они так блестели, как хрусталь. Я просто прошла мимо с равнодушным взглядом, но внутри у меня уже участилось сердцебиение.

Тогда я дружила с Олей и Катей, а мою лучшую подругу звали Таня, она, конечно же, первой узнала, что я влюбилась в невысокого блондина с голубыми глазами. Нашей первоестественной задачей стало добыть столь секретное и недоступное имя. А так как с Русланом дружила только Оля, то без нее мы бы не справились. Я тогда узнала, что как раз он предложил ей встречаться, что вообще открывало мне дорогу к моему возлюбленному. Мы встретились все вместе вечером после уроков второй смены, чтобы покурить на Комсомольской аллее. Я была разочарована, когда поняла, что тебя не оказалось в компании, которая нас ждала. С нами пришел Рома, еще один мой новоиспеченный одноклассник. Рома оказывал мне всяческие знаки внимания, что в целом меня не смущало. Итак, барабанная дробь – появляется Катя... с тобой! И Оля такая про между прочим говорит: «А вот и Дэхан с Катей!» И как же мне это понимать? И уже через секунду я узнаю, что ты предложил ей встречаться, и теперь вы вместе. За непродолжительный вечер у нас было уже три пары – Оля и Руслан, Катя и Дэхан, я и Рома. Так и началась наша дружба.

Все было легко и беззаботно, мы гуляли вечерами по остывающему после летнего зноя Лермонтову, ходили с Таней на долгие вокальные репетиции. Рома при каждом удобном случае старался меня обнять и поцеловать, в чем я ему не отказывала. Дэхан почему-то гулял чаще всего один, Катя почти не появлялась. И вот настала пятница, кажется, это был Осенний бал (нет, не тот квест, что сейчас проводят в ДК для старшеклассников). Оля прибежала на аллею в невероятно возбужденном состоянии и сообщила, что у Руслана и Гулама есть еще один брат – Бахман. И что она в него влюбилась. Оля была заводилой и генератором идей, так что она уже все придумала. План был таким: она разговаривает с Ромой и Дэханом, деликатно сообщая им, что я хочу встречаться со вторым, а я разговариваю с Русланом и Бахманом, говоря им нечто подобное о ее романтических предпочтениях. Что будет с Ромой и Катей, собственно, никого не волновало. Мы все были такие нарядные в этот вечер, готовые к танцам

и прогулке до 22:00 по темным улицам с запахом жженных листьев, неотъемлемым атрибутом лермонтовской осени.

Мой монолог уже расстроил Руслана, совсем скоро Оля станет счастлива. Был ли у нее разговор обо мне я еще не знала. Я танцевала и предвкушала что-то очень хорошее. Мне было тринадцать и это было чудесно.

Осенний бал проходил в спортивном зале Пятой школы, и я видела, как ты зашел, сел на лавочку и всматривался в движущуюся в такт музыки темноту фигур. Был медленный танец, и я собралась уже сесть передохнуть, но ты подошел ко мне. У меня дрожало все, что только может сокращаться в теле влюбленной девчонки. Ты был достаточно уверенным, но сказал какую-то ерунду в духе: «Оля сказала, что ты хочешь гулять со мной». Скорее всего я ответила: «Ну да». И мы начали танцевать наш первый медленный танец. Он был божественным. Вернее, я так думаю, потому что в свои тридцать пять я помню уже совсем немного.

С тобой было легко, весело, чудесно. Мы целовались много, долго, сладко. Ты клал голову мне колени, лежал и смотрел на небо, усыпанное звездами, курил горькую сигарету и показывал мне созвездие Ориона. В верхней части стадиона стояла одинокая лавочка. Это были те времена, когда стадион еще был открыт и почти заброшен. И сложно сказать, что лучше – полная свобода передвижения по столь прекрасному месту или исключительно спортивные границы.

В то время у Тани появился Саша, у них все было серьезно и навсегда. Но они вроде бы были уже старшеклассниками, так что у них так положено. Тебе было шестнадцать, ты нигде не учился и не работал. Наверное, это называется бездельник или разгильдяй. Хотя, мне кажется, что я помню какие-то халтуры, о которых ты говорил.

Итак, это был особенный вечер, ведь Сашины родители разрешили нам прийти к ним в гости. На улице уже было холодно, так что скорее всего в ином случае нас просто ждал бы подъезд. Классика. Но мы с Таней нарядились и, вооружившись самыми прекрасными манерами, пошли в гости к Саше. Хочу заметить, что раньше мальчишки всегда заходили за девочками, то есть мы совершенно не передвигались по улице одни. И это правило не зависело от статуса. Саша из приличной семьи и Дэхан из неблагополучной одинаково по-джентельменски заходили за нами, чтобы куда-то пойти. Это, кстати, хорошо еще и потому, что родители девушки знают, с кем их дочь отправляется проводить время. Моя мама считала Дениса скромным. Так и было, он стеснялся много говорить при наших с Таней родителях. Но в целом, я не замечала, чтобы он был зажатым, кроме того, я любила, что у него было чувство юмора.

Итак, мы пришли к заветной квартире, нас встретила Сашина мама, мы поздоровались и пошли в комнату. Там было две кровати, приглушенный теплый свет. Мама принесла нам чай с бутербродами с колбасой. Мы включили музыку, расселись по кроватям и принялись жевать закуски, смакуя сочный сервелат, наверняка, самый вкусный в мире.

Уже не помню, конечно, о чем мы говорили, было просто хорошо. Только сейчас, когда я хотела было перейти к поцелуям, поняла, что совсем не помню, как мы первый раз поцеловались. Это точно было не на осеннем балу, может, потом, когда ты провожал меня домой? Или после бала, да, да, точно! После бала мы пошли снова на Комсомольскую аллею. Там тогда стояли лавочки со спинками, но сидушки были разломаны, поэтому на одинокие перекладины мы ставили ноги. Ты подошел ко мне, когда я курила, и так прижался, как будто именно меня ты ждал всю эту свою гребаную жизнь. А я обняла тебя в ответ, уткнувшись щекой в прохладную ткань твоего безразмерного черного пуховика. Я реально понимаю, что и сейчас помню это ощущение. Пожалуй, счастья, что наконец ты оказался со мной так близок как мне того хотелось. И вот после этих самых искренних и чистых объятий ты наклонился ко мне и поцеловал. Не так чтоб смело, но и не так, чтоб я заметила твое волнение. Это был чудесный поцелуй.

И мы целовались! Везде, при любом удобном случае! Наши отношения складывались так интересно, не похоже ни на одни мои другие. Я даже не смогу рассказать о твоём характере,

потому что мы дарили друг другу полную свободу. Ничего лишнего, только осенние листья и поцелуи.

Помню, как я отпросилась из школы, ссылаясь на плохое самочувствие, чтобы пойти с тобой домой к Тане. Они с Сашей нас уже ждали. Мы пили чай, валялись на кровати, просто смотрели в глаза и гладили друг друга. Ты так крепко обнимал меня, что я чувствовала себя в абсолютной безопасности, все страхи моего детства, включая пустоту, которую я испытывала, лежа полярной ночью на софе, бесконечно вглядываясь в окно, завешенное коричневыми шторами. Я так боялась их отодвинуть, потому что за ними меня ждал неуютный пейзаж черных деревьев, замерзающих на безлюдной улице в -35. Только рядом с тобой я начала выбираться из этой комнаты.

Мы целовались и на ступеньках в отапливаемых подъездах, дополнительно отогреваясь пятнадцатирублевой водкой. Тогда все было проще, мы не боялись за свое здоровье, за передозировку димедролом, разбавленным в спирте. И нам ничего не было от такого, не побоюсь этого слова, пошла. Мы шли потом курить на улицу, валялись в старательно уложенных листьях клена и каштана. Из рта шел пар, а с лиц не сходили улыбки. Потом мы возвращались по домам (возле подъезда традиционно – поцелуй). И я ложилась в постель с этим не покидающим меня ощущением счастья. В Лермонтове были зимние дискотеки! Кто может это сейчас даже представить! Мы встречались все вместе, и шли танцевать. Ты частенько носил меня на руках, а я любила сидеть у тебя на коленках. Так весело, пьяно и незаметно прошли осень и зима.

В ранней весне хорошо запомнился наш поход на Шелудивую на Пасху. Мы брали с собой какую-то еду, перекусить, водка, кажется, тоже была, но мне не досталось много, потому что я пошла с младшим братом, которому в этот день подарила кассету Linkin Park, хотя он мог и напутать что-то, вспоминая этот день. Было очень тепло тогда, трава была уже сочно-зеленая. Весь поход прошел у нас как-то не вместе, мы лишь перекинулись несколькими фразами. Потом Саша сказал, что ты был под тареном. Найти сейчас человека, который знает, что это за препарат, не так просто. Как мне сказал Саша – это противоядие, которое используют в армии. И ты его съел, поэтому находился в совершенно другом мире. Потом мы пошли с братом домой, а вечером выпал снег. Мне все еще было тринадцать...

Помню день во дворе младшей Пятой школы (сейчас это старший корпус). Стало еще теплее: как раз наступила та весна, когда уже предвкушаешь лето. Во дворе кто-то бросил железную сетку от кровати, а мы ее натянули и разлеглись там всей компанией. До этого на стадионе я потеряла серебряное кольцо, которое мы искали целый час и нашли! И когда мы лежали с тобой, обдуваемые этим теплым ветром, я сказала, что люблю тебя. Я сказала это почти что в шутку, без всякой серьезности и драмы. Как порыв Души. А ты так разудался и ответил: «Какая может быть любовь у тебя в тринадцать, а у меня в шестнадцать!?» Мы замяли этот разговор и все шло дальше как обычно. Ты встречал меня вечером после занятий вокалом, провожал домой. Похоже, что я училась тогда во вторую смену, потому что возле подъезда мы всегда целовались в темноте, а может, я что-то уже путаю.

Мы с Таней были неразлучны и как-то она позвала меня в какую-то поездку со своим классом. Кажется, это был Пятигорск или Кисловодск. Для нашего города такие поездки частое явление, потому что не ездить гулять в города-курорты, как минимум, глупо. И там я познакомилась с сентиментальным Ильей, ее одноклассником. Он прям не отходил от меня, задавал какие-то вопросы, в общем, старался всячески мне угодить. И что-то тогда между нами произошло. Илья писал мне в школе записки с ошибками, мы договаривались встречаться под правой лестницей на первом этаже. Тогда там была какая-то странная двойная деревянная дверь, а в этом зазоре между ними мы прятались и стояли болтали, ну а потом, конечно, стали и целоваться. На свидания он приносил сигареты Sobranie с разными вкусами. Это был момент, когда я выбралась из подъездов, мы встречались в густых кустах возле лермонтовской железной дороги. И даже сигареты там прятали. Кстати, в этих густых кустах стояла лавочка,

вернее круглое бревно, оборудованное под лавочку. И мы сидели на нем вечерами, курили, целовались. Потом как-то к нам зарулил и Дэхан, совершенно случайно проходивший мимо. Нам не о чем уже было говорить. Но он отводил Илью в сторону, пока его друзья тарачились на меня. И после этого с Ильей у нас не заладилось, а Дэхан стал постоянно приходить ко мне, мы простаивали в подъезде и просто говорили о чем-то. Так снова пришла уже другая осень.

Дэхан договорился о встрече со мной через кого-то из друзей, я ждала его дома. Не помню, куда мы пошли и о чем говорили, но он очень нервничал, это было заметно, вся его робость вышла наружу. И он сказал, что теперь понимает, о какой любви я тогда говорила ему. А я ответила, что, наверное, он был прав. Не может быть между нами никакой любви. Я наврала ему, я так не думала, просто я тогда уже разлюбила. Потом в моей жизни было многое, я снова встречалась с Ильей, но все стало другим, я нашла свою психику сложносочиненной, мне начали нравиться совсем другие люди, изменились кумиры. Иногда я видела Дэхана, но ничего не чувствовала, мне хотелось скорее избежать наших встреч. Исчез и Илья, хотя перед расставанием мы здорово пошалили с чувствами друг друга, просиживая часами за разговорами по городским телефонам, на проводах которых можно было разве что повеситься.

И только этой осенью я все вспомнила так свежо, так трепетно. Так, как сейчас, я не писала уже очень давно. Так, когда каждое слово вырывается изнутри, оставляя след и нестерпимую боль. И если Илью я встречаю иногда, если я могу при желании даже выпить с ним кофе, и погулять с нашими детьми, то тебя, Дэхан, я не встречу здесь больше никогда. И, узнав об этом, мне было грустно и пусто, я плакала, сидя на работе, будучи еще москвичкой. Но, когда я представляю, какой могла бы быть наша встреча здесь, в Лермонтове, я понимаю, что нам совершенно не о чем было бы говорить, мы вряд ли пошли бы пить кофе. Мы бы просто холодно поздоровались, ничего не вспоминая. Я никогда не выбрала бы тебя сейчас.

Провожая дочь в школу, я встречаю нашего общего друга Вадика (с которым тоже, кстати, встречалась Оля), он водит в ту же школу сына. Я знаю, что ему непросто пришлось и, что он победил зависимость. Мы здороваемся, когда встречаемся взглядами. И мы в этот момент понимаем, что оба знаем, о чем каждый из нас подумал, кого каждый из нас, возможно вспомнил. У нас общее прошлое, о котором нет желания вспоминать. Мне иногда хочется спросить, не знает ли он, где ты похоронен. Но я не уверена, что смогу и захочу пойти туда.

Мне говорили, что ты сидел в тюрьме, но после смог устроиться в жизни, что водил машину и был счастлив с девушкой. Мне хочется верить, что это было так. И пусть в моей памяти ты останешься тем застенчиво улыбающимся мальчишкой, который так любил меня целовать.

Память Рассказ

Словарь:

Султанцеит – твердое вещество, которое при нагревании выделяет пар, способный очищать разум. Подходит для приготовления бодрящего напитка. Создан по рецепту Отшельника для частичного оттягивания момента отключения памяти.

Отшельник – первый человек, преодолевший отключение памяти путем силы воли, без извлечения чипа. Имеет небольшое собственное лесное поселение с теми, кого сделал «нормальными». Имеет «иммунитет» к Смотрителю, который не трогает его «до первого бунта».

Смотритель – создатель системы чиповки, руководитель глобального производства.

Чип – совершенный в применении механизм, устанавливающийся на полгода человеку для максимального внедрения знаний в той или иной научной области. По истечению срока его данные аннулируются вместе с памятью человека. Чип извлекается, ставится новый.

* * *

Пеласти располагалась в кресле. Она не была расслабленной.

– Вы здесь все в моих владениях, под моим пристальным вниманием. Я прекрасно знаю, чем ты занималась все это время со своими друзьями, а именно: вы портили корпоративное оборудование во имя своих тщетных целей, – Тонсен наклонился к ее лицу, опираясь на ручку кресла.

– Тщетных? Я не стану спорить с тем, кто верит в обезличивание человечества.

– Человечества давно не существует, это тупое устаревшее понятие, – плюет на пол с яростью.

– Человечество будет существовать, пока существует любовь. И ваши чипы не работают в отношении любви. Именно поэтому я еще жива и живы такие как я.

– Это вопрос времени, скорого времени.

– Вы можете только это в отношении меня, убить во мне жизнь.

– Твоего друга тоже взяли.

– О чем вы?

– О том, что он развлекался в деревне с местной красоткой.

Пеласти окаменела.

– Дай мне сигарету. Имею полное.

– Валяй! – Швырнул в нее сигаретами, – жизнь несправедлива, детка. Отсутствие чипа или его наличие этого не изменит.

– А как же мои родители? Помнят ли меня. У меня ничего нет только потому, что **вы** в чем-то разочаровались. Это навязанная философия. Ваша, не моя.

– Ваш главный генератор идей сбежал. Кто бы сомневался? А ты за ним хоть в ад, да? Все вы люди одинаковые. Вас интересует только жратва и секс, – он расхохотался. – Ничего светлого не было в людях никогда, хоть философия, хоть дерьма кусок! Лучше сделать всех рабочей силой, чтобы очистить планету.

– Но вы отдаете продукты работы людей другим людям! В чем смысл? Объясните мне, раз я такая глупая!

– Это не просто люди, это ученые высшего уровня, планетарные исследователи, они перемещают нас все на новые и новые уровни, это слишком глобально, чтобы уместиться в твоей голове. Ты красивая, больше от тебя и не требуется ничего.

– Неужели вы в это верите? Лучше убейте меня, я не могу больше это слушать.

– Лучше найди мне Отшельника. И я отпущу тебя к родителям.

Пеласти прикусила губу.

– Заодно, убедишься в том, что твой дружок тебе неизменял.

– Какая же ты гнида.

– Давай-давай, я знаю, что ты хочешь.

– Отпустите навсегда?

– Отпущу. Я знаю, где они и что они в полном порядке.

– И память им не отшибло?

– Именно.

– Господи, что здесь вообще творится...

– Так что, ты согласна?

– Делайте со мной, что хотите, вы ничего не добьетесь.

– Ты не понимаешь главного – мы лишаем вас дерьмового человеческого начала, мы делаем вас Просветленными! Наша раса взаимодействует в внеземными цивилизациями благодаря моей корпорации. Скорость развития нашей науки требует высокоскоростной рабочей силы, лучших сотрудников без лишней чепухи в голове. Как это может удивлять тебя? Если все к этому шло! Не нужно выставлять меня злодеем Вселенной, я всего лишь создал программу и навел порядок в этой структуре.

– Просветленными? Вы заставляете нас работать, отбирая свободу, которая подарена нам Богом. Спросите меня, хочу я работать с вашей программой? Хотят мои родители увидеть меня еще раз? Хочу ли я вспомнить моих родителей? У вас нет такого права, – она заерзала в кресле, но не посмела встать. Она швырнула потухшую сигарету на пол.

– Я могу предложить **лично** тебе работать на меня, ты согласна?

– Лучше вернемся к варианту с моей казнью или как это у вас называется?

– У меня ни с кем не возникало таких сложностей! Только с вашим тупым поколением, начиная с сопливого 20 года. Вам единственным все не нравится. Мы следим за вашим здоровьем, за продолжительностью вашей жизни.

– А ради чего? Никто не принадлежит себе.

– Мы создали новое общество, такое, каким оно должно быть.

– Общество – это болезнь, вы только усугубили это.

– Как бы ни было, у вас не хватит сил и власти, чтобы обратить это против меня.

– Отнимая память, мы делаем вас подобными Буддам, память – то, что мешает этому процессу.

– Без памяти не может быть Просветления, и вы это знаете. Почему вы не ставите чип себе?

– У меня много других чипов, поэтому я на том месте, на котором нужно, – Он сделал паузу. – Тридцати процентов дебилов в этом обществе достаточно. Не говоря о том, что такие как Отшельник и его приспешники увеличивают постоянно эту цифру! Но только до того момента, пока я на это согласен! Долбаный Иисус! Оsla только не хватает, тогда точно получится вылитый спаситель.

– Да? Откуда у вас чипы? Расскажите, как и когда вы на это согласились, – разваливается в кресле.

У него в голове всплыла картинка – маленькому мальчику режут руку, он кричит, сопротивляется, ему ставят чип. Рядом стоит отец: «Ты должен быть мужчиной».

– Это уже неважно.

Впервые я увидела настоящего Отшельника, когда мне было около двенадцати лет. На несколько секунд мои глаза впились в его взгляд, когда он, убегая от полиции в безлюдном полуночном метрополитене, задел меня плечом с невероятной силой. На нем была потрепанная одежда. Небритое лицо, он был похож скорее на лешего, но какой взгляд! Эти сияющие бирюзой глаза!

После я часто рассматривала свои глаза, глаза окружающих людей и каждый раз разочаровывалась в их темной пустоте. Я пообещала себе навсегда запомнить этот день, запечатлеть эти глаза.

Бледно-зеленый диван выглядел остывшим и неудобным, на столике из черного стекла дымился султанцеит. Мое полугодие подходило к концу, по всеобщему сценарию мне должно отключить память через шесть дней. Предшествующие потере дни сопровождает невозможное состояние – чувствуешь себя отравленным, еще живым, но уже вдохнувшим яд. Прошлые дни врываются в голову отрывками, мысли неразборчивы, дыхание учащенное. Но не смерть.

Смерть – когда тебя нет рядом. Мы нашли-таки способ через несколько лет перерывов находить друг друга достаточно быстро. Следующая мечта – стать другими, научиться сохранять исключительную память.

Глядя в окно, пытаюсь задержать внимание хотя бы на окружающей местности, на этот раз не успела вовремя все подготовить. Султанцеит не выручает, слишком поздно. Продолжаю судорожно собирать «коробку» с посланиями для тебя. Одному недоброму Богу известно, где тебе придется искать меня. «Коробка» выходит бестолковой – расческа, султанцеит, часы (хотя для чего), полторашка воды, фантики «Turbo», сигареты (уж их не забыть), записка с одним словом (отшельник), сонник Юнга.

Я просыпаюсь ночью в духоте, вентилятор ненавистен за свою бесполезность. Сознание прояснилось, встаю с кровати и подхожу к зеркалу. Рядом с ним лежат ножницы, их тут раньше не было... Пора проветриться. В прихожей стоят чужие тапочки, спускаюсь вниз босиком. Вокруг глухая ночь, мне нужно что-то сделать, но только что... И кому... Мне? Да, определенно мне, но кто я? Мне просто нужно пройти, тогда все станет ясно. Впереди лес, туда-то я и отправлюсь. Рюкзак, мне нужен рюкзак.

Пеласти открыла глаза и увидела синеву неба над головой. Сколько прошло времени?

– Я в отчаянии, дико хочется пить, сколько я не пила. Ноги грязные и в ссадинах, вокруг только кусты ежевики, я сплю под ними и никак не могу проснуться, как же болит голова.

Она неумело встает и видит рюкзак, в нем есть вода и салфетки. Она умывается и пьет. И снова засыпает.

Когда я открыла глаза, я увидела его. Это Отшельник – единственное создание, которое я ни с кем не перепутаю, сколько раз бы меня не выключали. Он похож на мессию. Он словно прочитал меня всю внутри.

– Тебе лучше не вставать пока, ты еще слишком слаба.

– Где я?

– А кто я, ты знаешь?

– В горле пересохло, нужна вода.

Он протянул мне чашку.

– Да, я знаю, я видела тебя, когда была ребенком.

– Что ж.

– Где Джейкоб?

– Я не знаю, где Джейкоб. Ты в моем поселении. Здесь живут только восстановленные. Тебя я нашел неподалеку, прости, не мог бросить.

– Почему я ясно соображаю?

– Я ввел тебе небольшую порцию лекарства. А еще я нашел у тебя в рюкзаке кое-что. Ты знаешь, что это? Откуда оно у тебя?

– Да, это то, что я использую, чтобы оставаться в своем уме.

– Джейкоб тоже это использует?

– Да, это его идея.

– И как? Помогает?

– Да, мы держимся на султанците около трех недель, потом как огурчики. Мы хотя бы имеем надежду вспомнить прошлое.

– Почему не вытащили чип?

– Не знаю, справляемся так. Насколько мне известно, это очень опасно. Те, кто умеет это делать, явно нам не друзья.

– Ясно, тогда предлагаю сделать это сейчас. Султанцит не так безопасен.

– Но...

– Можешь не благодарить.

Подходит близко с ножом к руке, где накладка после капельницы.

– Стой! Не так быстро.

– Скоро тебя опять начнет отключать, если я правильно понял, а значит, скоро станет совсем плохо. Думаю, если ты в стенах корпорации используешь султанцит, трусливой тебя не назовешь.

– Ладно, в туалет мне можно сходить?

– Давай. Он на улице, сразу за домом.

Пеласти окинула взглядом поселение, оно было уютным, в огнях и сиянии.

– Я готова. Но что потом? Если меня поймут, то просто растерзают, так?

– Прекрасно, что ты все понимаешь. Ложись.

Он постелил клеенку под руку на кровати. Они встретились взглядами.

– Придется терпеть. Я не буду вводить анестезию, дурно влияет на заживление.

– Я хожу с этим почти десять лет и не могу представить себе...

– Тебе жалко! Эта микросхема отравляет все твое существование, а ты еще раздумываешь. Пойми, мне все равно. Я могу не делать этого.

– Режь уже!

Лезвие скользнуло по плоти.

– Потерпи, девочка, будет неприятно, – он протянул ей палку, которую Пеласти тут же закусила.

Отшельник раскрыл рану зажимом. В руке у него был инструмент, напоминающий магнит, размером с ладонь. Он поднес его к выглядывавшей шляпке чипа. Медленно серебристые волоски потянулись к магниту, обхватывая его. Их было не меньше восемнадцати. Когда за волосками потянулся чип, Пеласти завывала от боли и закинула голову назад. У нее потекли слезы. Сердцевина чипа слегка переливалась. Когда он присосался к магниту, Отшельник заметил, что несколько волосков так и остались внутри раны.

– Мне нужно достать несколько, потерпи еще.

Глаза Пеласти были красными. Пот стекал на лицо.

Отшельник взял длинные щипцы, вроде пинцета и аккуратно потянул за серебристый волосок. Это был спутавшийся комок – проводки обросли плотью. Отшельник принялся зашивать надрез.

– Я приготовлю тебе постель в своей комнате, там тебе будет спокойно. Но перед этим мне посчастливится обработать твои ноги, которые ты так здорово изодрала.

– Я так мечтала встретиться с тобой и спросить обо всем, а сейчас не нахожу слов. Ты – мой герой, ты знаешь.

– Я не герой. Тебя могут искать?

– Через пару дней...

– С чипом я разберусь, проходи дальше по коридору.

Пеласти было сложно двигаться, и Отшельник приобнял ее, чтобы отвести.

Комната была залита мягким светом, по центру маленький камин, справа диван, а рядом с ним был телевизор! Вот уж настоящее свободолюбие. Отшельник аккуратно посадил Пеласти на диван. Он поставил ей под ноги деревянную емкость, провел смоченной водой губкой.

– Нужно делать быстро, тебе сейчас вредно.

– Такое чувство, что я вот-вот усну.

– Это организм переживает утрату, – он слегка рассмеялся. – Хочешь посмотреть телек? – Он помог ей лечь и накрыл одеялом.

– Я его смотрела в четырнадцать лет последний раз.

– Потом тебя забрали?

– Да. Но я не боялась. И ко мне относились всегда хорошо. Я способная и послушная.

– Раз так, засыпай. Завтра я послушаю твою историю.

Отшельник на мгновение застыл, рассматривая как волосы Пеласти спадали с подушки.

Ранним утром глава корпорации сидел за столом с человеком, у которого в руку была встроена небольшая панель.

– Сколько пропавших на этот раз? – Он затягивается дымом из трубки.

– Четверо. Их местонахождение установить не удалось, пол также пока не установлен.

– Найти всех. Я не желаю больше слышать ваши отговорки.

– Мы прочесали весь город по периметру, ничего.

– Значит, обыщите красную зону.

– Но как же договоренность?

– Мне плевать на договоренности! – Это шестой случай за месяц! Если это не бунт, то что?

– У них, что есть мозги на бунт? – он заржал.

– А у тебя есть мозги? – Делает паузу. – Спросите по-хорошему, обыщите там все. Держи разрешение на досмотр. – Достает карточку, протягивает второму, тот прикладывает к руке, загорается индикатор и пищит.

– Возьмите, сэр, – протягивает карту обратно. Какие указания, в случае обнаружения беглецов?

– Привести мне всех сюда, живыми. И Отшельника тоже.

– Да, сэр.

Пеласти умывалась у реки. Отшельник тихо подошел.

– Какие планы?

– Ты меня напугал.

– Так какие планы? – Он держал в руках бутылку с какой-то жидкостью.

– Пока никаких.

– Держи, пей это сегодня весь день, это восстанавливающий напиток.

– Спасибо.

– Я предлагаю сходить со мной за водой, это на другой стороне поселения. Там наше водохранилище и родник.

– Я хотела бы переодеться, – она намекнула на свои изодранные вещи.

– Я отведу тебя по пути к кое-кому, она тебе поможет.

– Хорошо.

Они шли молча, Пеласти рассматривала
маленькие домики, возле домов росли цветы, на улице гуляли дети; казалось только
у этого места и есть завтра.

Наконец, они остановились возле одного дома, Отшельник постучал в дверь.

– Мару, ты дома?

– Дома, дома, – дверь открыла роскошная девушка, с толстой черной косой, которая спа-
дала через плечо к животу. На ней было красное платье в рюшах, на шее множество украшений.
Пышная грудь бросалась в глаза. – Кто это тут с тобой? А хочешь, я угадаю? – Она посмотрела
пристально на Пеласти так, что та немного пошатнулась.

– Так, сегодня без твоих фокусов.

– Малышка, пойдем, – она взяла Пеласти за руку, – он просто редкостный зануда, боится,
что я могу озвучить лично ему, поэтому привел тебя сюда, хочет поиграть со мной в игру.

Пеласти ничего не понимала.

– Пеласти, это Мару, она наш астролог и прорицатель, так сказать.

– Ой, не говори так, я этого не люблю.

– Вы просто очаровательны, кем бы вы ни были, – Пеласти улыбнулась.

– Мару, помоги ей переодеться, сочтемся.

– Сочтемся? – Мару ему вульгарно подмигнула.

Они спустились в небольшое помещение. Это был маленький склад с одеждой.

– Я одену тебя в светлое, потому что ты чистая. Еще чистая. – Она взяла грубо ее за руку.
И резко перевернула ее ладонь. – Запомни, ты не будешь с ним, слышишь?

– Но я и не собиралась.

– Я не про Отшельника, дорогая. Я о том, кого ты собираешься спасти. Запомни одно –
он уже тебя предал! Не рискуй, сиди здесь. Рядом с тобой сильный мужчина. Доверься ему.

– Мне не нравится, что ты говоришь, – она одернула руку.

– Я не со зла, но твое сердце разобьется. Мару отрешенно протянула одежду Пеласти.

– Совсем другое дело. Теперь выглядишь, как человек.

– Очень смешно, но спасибо! Еще бы помыться.

– Прости, неделю запрещается, пока токсичные пары контроллера выходят. Им нельзя
взаимодействовать с водой, рискуешь остаться без кожи, – Отшельник обратил внимание
на лезвие, которое лежало на столе Мару.

– Приятно было познакомиться, Мару.

– Береги себя.

Они проследовали к водохранилищу. Рядом стояло деревянное строение, в котором из-
под земли текла родниковая вода. В углу был шкаф. Отшельник достал оттуда две кружки.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне все.

– А я хочу понять, почему ты сидишь здесь и живешь тихой спокойной жизнью.

– А что не так?

– То, что ты можешь спасти миллионы людей, не только в этом городе.

– Я дал обещание. Я получил свободу в обмен на согласие сидеть, как ты говоришь, здесь.

– Но ты мой герой, ты моя легенда. За тобой пойдут все, я уверена. Заставить пробудиться
память не так сложно.

– Нет. Мне это не нужно.

– Ты только за себя, как это у вас здесь называется?

– У нас здесь это называется – наш выбор.

– Это неправильно.

– Это правильно для нас! – Ответил он нервно.

– Я не хочу ничего рассказывать, – Пеласти развернулась и пошла быстрым шагом назад.

Глубокой ночью Отшельник склонился над постелью Пеласти.

– Пойми, они убьют всех, я хочу для них другого будущего. Так спасается хоть кто-то.

– Они дороги тебе, я понимаю, но можно что-то придумать.

– Я не буду этого делать, прости.

– Я познакомилась с Джейкобом на производстве. Мы работали в паре несколько дней, пока мой сменщик проходил новое обучение. У меня не было нарушений, я работала и обучалась множество раз, никаких сбоев, пока я не встретила его. Нам было весело вместе работать, я тогда занималась кибернетикой сущностных шаттлов, инженером была, одним словом. И он помогал мне с составлением карты пространств. Ничего особенного, но он мне так запомнился, что в процессе нового обучения, мне постоянно казалось, что вот-вот случится что-то хорошее. Предчувствие. Но я не понимала, что это значит. И этот момент вскоре настал – я начала видеть сны. Эти картинки в моей голове во время сна, сводили меня с ума. Я видела там Джейкоба. И когда я случайно, проходя по коридору с кучей пробирок, в защитных очках, увидела его, я его вспомнила! Я вспомнила все и сразу. Ну или почти все. Я уронила все пробирки, он подошел ко мне и поздоровался, так, будто он меня не помнит. И тогда я рассказала ему, что мы были знакомы и что мы работали вместе. А потом, представляешь, он принес мне в комнату султанцеит! И мы приняли его и всю ночь разговаривали, и целовались, и ничего не было лучше в моей жизни, чем тот момент.

– А как вы?..

– Как запомнили?

– Да.

– Мы стали делать заметки в тетрадях, альбомах, мы по всему городу оставляли следы друг другу и султанцеит, обычно он находит меня, так получается по срокам. И у нас есть дом, он секретный.

– Ты любишь его?

– Да, у меня нет никого ближе.

– Любовь – это нечто другое.

– В этом мире, в котором мы живем, уже ни одно существо не знает по-настоящему, что такое любовь. И, наверное, нет теперь точного определения того или иного чувства.

– И ты бесконечно права...

– И?

– И не так проста как кажешься.

– Я пойду за ним.

– Я знаю. И поэтому хочу сказать тебе кое-что.

– И что же?

– У зрителя есть то, что называется деактиватор чипа.

– Это то, что может помочь всем, так?

– Да, это устройство, которое просто подносится к руке и одним нажатием кнопки деактивирует модуль памяти.

– У меня нет слов.

– Я крайне не советую тебе охотиться за ним. Но я не мог не сказать.

– Да, ведь я ни с кем не договаривалась.

– И это правда. Ты сказала, что я твой герой, ты меня помнила?

– Я всегда помнила твои глаза. Я искала их всю свою жизнь.

– Нашла.

– Но это не любовь.

Отшельник опустил глаза.

– Здесь все сделано своими руками?

- Это тебе не кибернетика.
- А ты не можешь не уколоть, так?
- Я не специально.
- Это от бессилия.
- И какого же?
- Я нравлюсь тебе. Но я верна другому. И это тебя бесит. Что кто-то может быть верен чему-то или кому-то.
- Я смог бы быть верен тебе.
- Да что ты.
- Пеласти поднялась со стула и ушла в другую комнату. Отшельник прошел за ней.
- Я тоже тебе нравлюсь. Теперь можешь спать.
- Пеласти каждый день обещала себе отправиться на поиски Джейкоба, но что-то ее останавливало.
- Пора вставать, я должен показать тебе кое-что важное.
- И что же?
- Мне нужно на несколько дней отлучиться.
- Что значит отлучиться? – Пеласти зевнула и потянулась в кровати.
- Отшельник строго посмотрел на нее со словами:
- Шутки закончились. И отдых тоже. Нас могут накрыть, мне нужно в соседние селения, предупредить людей.
- А откуда ты знаешь?
- Это неважно.
- Важно! Вдруг это ловушка?
- Хм, об этом я и не подумал. Но, это не так. Одевайся, я жду тебя на улице.
- Они подошли к водохранилищу, Отшельник аккуратным движением спустился ниже, к воде. И тут же исчез.
- Я здесь, спускайся.
- Куда? – Пеласти наклонила голову вниз, но ничего не увидела. Встав на ступеньку, она почувствовала как он гладит ее по ноге. Пригнувшись, она проскользнула в узкий пробел между плитой водохранилища и толщей воды. Они спустились в подземное убежище.
- Первое, что Пеласти увидела в подземелье, было что-то вроде музея. Несколько стеклянных шкафов. Внутри, на витринах лежали чипы.
- Ты сам это сделал?
- Что, вытащил чипы?
- Нет, придумал коллекционировать их?
- Сначала складывал в доме, потом расставил их на полке, потом решил сделать здесь витрину. Потом собирал еще. Приходя сюда, мы вспоминаем, что нам было нелегко когда-то. И так мы не забываем, что «нечто» нас будет объединять всегда.
- Ты так говоришь как будто я часть всего этого.
- Теперь так и будет. Твой чип я принес, чтобы оставить здесь. Ты не можешь вычеркнуть это из своей истории.
- История может победить меня. Мне могут поставить новый чип.
- Хочешь посмотреть, что там дальше?
- Наверное, я не знаю.
- Я думаю, что все будет в порядке.
- Мне нужно найти Джейкоба. Здесь остаться я не могу. Все вроде бы логично. Но мне не кажется правильным.
- Так и есть. Я хочу, чтобы ты осталась. И на Джейкоба мне плевать.
- Что еще скажешь? – Она подошла к нему ближе.

- Скажу, что тоже помню тебя. Твои глаза.
- Часто здесь бываешь?
- Не очень.
- Для чего существует это место? Чтобы прятаться?
- Может быть использовано и для этого.
- Зачем ты показал его мне?
- А тебе нельзя доверять?
- Не знаю. Неизвестно, будут ли меня искать.
- Вот и посмотрим.
- Ответь мне только на один вопрос, – Пеласти строго посмотрела на Отшельника, – Что дальше?
- В каком смысле?
- Что дальше будет в твоей жизни? Какая у нее цель или какой смысл?
- Все так как есть сейчас. Жизнь заключена в самой жизни. В этом и весь смысл. Я ответил на твой вопрос?
- Это странно, потому что мне казалось, твоя цель в освобождении.
- Думаешь, смысл моей жизни – борьба, – он почти рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.